

Владимир Шорин
Мистер Ворончик

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Старая гостиница «Габенн» на Чемоданной площади обычно была местом тихим, сонным и довольно тоскливым, но только не сегодня. В тесных коридорчиках то и дело хлопали двери номеров, на лестнице звучал топот, а на стене за стойкой портье постоянно трезвонили колокольчики.

— Коридорный! — раздавалось тут и там. — Коридорный! Коридо-о-орный!

Юный коридорный Томас Гаррет, младший сын господина Гаррета, хозяина гостиницы, пытался попасть в свою комнатку уже почти час, и ему все не удавалось это сделать.

У него было очень срочное и важное дело, но что значат твои личные дела, когда ты простой коридорный. Едва ли не каждый встреченный им по пути постоялец считал своим долгом выдать ему какое-нибудь задание и не отпускал от себя до тех пор, пока Томас его не исполнит.

— Коридорный! — Мистер Родберд из второго номера ткнул в руки Томаса очередную, уже восьмую за сегодня, пару туфель. — Почистите их! Да побыстрее. Что? Никакая из предыдущих семи пар не подходит! Мои ноги вечером должны блистать!

— Коридорный! — Миссис Тарт из шестого номера всучила Томасу перемотанную ленточкой стопку открыток высотой с самого Томаса. — Нужно разослать их как можно скорее! И это еще не все — у меня тут два чемодана открыток! Да будет вам известно, многие в этом городе ждут от меня поздравление!

— Коридорный! — Мистер Порингтон из семнадцатого выскочил прямо на лестницу с таким видом, как будто близится конец света и он сам по неосторожности его спровоцировал. — У меня распрямылся ус! Нужно срочно исправить это безобразие и завить его обратно!

— Коридорный! — Молодая писательница мисс Уинспилл из двенадцатого номера продемонстрировала Томасу свои опухшие красные пальцы. — Мне нужна ваша помощь! Я заканчиваю последнюю главу романа, а пальцы болят стучать по клавишам машинки! Будете печатать под диктовку. Как у вас обстоит дело с длинными словами вроде «гиппопотомонстросескипедалофобия»? Что? Конечно, такое слово существует! Оно означает боязнь длинных слов...

— Коридорный! — Скользкий тип мистер Спилли из двадцать первого едва ли не силой затащил Томаса в свой номер. — Возмутительно! Сюда не подведен лифт для еды! Мне нужны пути отступления! Зачем мне пути отступления? Не ваше дело! Тащите веревку — вывешу ее в окно! Это лучше, чем ничего...

Томас пытался объяснять, что торопится, что его очень ждут, но никто не слушал. Требования! Поручения! Задания!

Исполняя все эти порой абсурдные капризы, коридорный с головы до ног промок; его бордовый мундирчик уже давно сидел вкривь, очки в круглой оправе на носу запотели, а волосы под форменной шапочкой разлохматились и превратились в некое подобие старой щетки.

Сильнее всего его раздражали, впрочем, даже не постояльцы, а то, что в гостинице было еще два коридорных, к которым можно обратиться. На Уинслоу, правда, вообще не стоило полагаться, а Фредди, старший брат Томаса, изобрел замечательный способ, как избегать обременительных забот: «Простыть меня, мьистер! — отвечал он на какую-нибудь просьбу постояльца. — Я не говорить на ваш язык и не понимаю ни слова! Но мой брат Томас знать все языки, спросить у него...» Как ни странно, это срабатывало, хоть отец и обещал Фредди, что оторвет ему уши, если тот не оставит свои шуточки. Несмотря на это, Фредди пользовался тем, что отец занят за стойкой, и навесил тяжеленный мешок, полный постояльцев, на хрупкие плечи брата.

Еще вчера скучные и похожие на лунатиков обитатели номеров вдруг превратились в нервных и дерганых чудаков, и в этом, по правде, не было ничего удивительного — до Нового года оставалось всего несколько часов.

Гостиница наполнилась нетерпением и волнением, шли последние приготовления. В коридорах витали запахи хвои и душистого грога, с кухни тянуло

ароматом запекаемого гуся. Повсюду горел свет — по случаю праздника все плафоны газовых рожков почистили, и это место, избавившись от темных мрачных углов, вдруг перестало быть собой — тоскливой гостиницей, куда почтенных джентльменов и дам не заманишь даже посулами низких цен на номера (что было неправдой) и, само собой, исполнительных коридорных (отчасти правда)...

Разобравшись с поручением четы Чарвей из тринадцатого номера (перепеленать их сынишку Маттиаса, что, к своему огорчению, коридорный делал с момента, как они въехали), Томас уже двинулся было к двери своей комнатки, сжимая в руке продолговатый бумажный сверток, когда вдруг кое-что в Газетной гостиной привлекло его внимание.

В гостиной близость Нового года ощущалась сильнее всего. Горел камин, по радиофору шла праздничная передача. В центре гостиной стояла высокая разлапистая ель, на которую Фредди, долговязый и тощий, со скошенной набок шапочкой коридорного, лениво надевал игрушки. На диванчиках у стен сидели некоторые из постояльцев: кто-то читал газету, кто-то потягивал грог, а кто-то обсуждал с соседом новости — в «Сплетне» писали, что сани Человека-в-красном видели в городе.

Но все это Томаса сейчас не заботило.

В кресле у окна сидел мистер Тёрнхилл из восьмого номера. Это был старик лет семидесяти с узким сероватым лицом, клочковатыми, похожими на драный

войлок бакенбардами и такими мохнатыми бровями, что в них, как в лесу, запросто мог поселиться волк и заблудиться девочка в красном капюшоне с пелериной.

Мистер Тёрнхилл Томасу нравился. Добрый, приветливый, общительный — такие господа нечасто сходят с поезда в Габене. Вместе со своим чемоданом, сшитым из лоскутов, он появился на пороге гостиницы месяц назад, с первым снегом. Сразу же сказал, что является представителем старой, почти забытой профессии путешествующих сказочников и попросил номер с окном, выходящим на север. Постояльцем он был тихим, нетребовательным, но Томас сразу понял, что джентльмен это очень таинственный. А еще старика мучило горе, похожее на болезнь. Позже он признался, что потерял кое-что здесь, на вокзале, — чувство потери было не излечить никакими пилюлями, и порой мистер Тёрнхилл впадал в меланхоличное и подавленное состояние.

Сейчас старик как раз в нем и пребывал — казалось, он единственный, кто не ждет праздника. С тоской и безразличием мистер Тёрнхилл смотрел на идущий за окном снег и каждый раз вздрагивал, когда ветер начинал выть в дымоходе.

Томас направился напрямик к нему.

— Мистер Тёрнхилл, — сказал он, подойдя, — у вас все хорошо?

Вопрос был странным, ведь Томас знал, что у него не все хорошо.

Старик медленно повернул к нему голову. Его серые глаза были полны печали.

— У меня все хорошо, Томас, благодарю вас.

— Может быть, вам что-то нужно? Я могу принести вам грога...

— Не нужно, благодарю, Томас. Вы очень добры. Хотя... скажите, почтальон мне ничего не приносил?

Томас покачал головой, и старик снова отвернулся.

— Я так и думал, — едва слышно произнес он. — Чуда не случится...

— Не огорчайтесь раньше времени, мистер Тёрнхилл. До полуночи есть время, а Человек-в-красном...

— Человек-в-красном слишком занят, чтобы навещать какого-то бездомного старика, молодой человек. Да и существует ли он на самом деле?

— Конечно, существует, — убежденно сказал Томас. — У него и правда сейчас очень много дел, но я уверен, что он ответит на ваше письмо.

— Мое письмо... — проворчал старик. — Я жалею, что поддался на ваши уговоры, Томас, и написал ему. Не стоило... не стоило даже надеяться. Я не заслуживаю чуда...

— Заслуживаете, — возразил Томас. — Все заслуживают чуда. А когда еще чудесам сбываться, как не на Новый год. Верьте, мистер Тёрнхилл. Просто верьте! Я убежден, что ваше желание сбудется — просто подождите немного...

Мистер Тёрнхилл опустил голову на грудь и беззвучно заплакал. Томас, неловко потоптавшись у его кресла, решил, что лучше оставить старика в покое.

Он направился к выходу из Газетной гостиной, но покинуть ее не успел. Его схватили за шиворот, а затем затащили за елку.

— Пусти! Пусти, Фредди!

Фредди отпустил Томаса, и тот, гневно глядя на брата, подтянул свой бордовый мундирчик.

— Что тебе было нужно от этого спятившего старика? — спросил брат с подозрением. — Это как-то связано с тем, что ты последние два дня куда-то сбегашь из гостиницы?

— Ничего он не спятивший, Фредди! — возмущенно ответил Томас. — Он просто очень одинокий и несчастный...

Фредди усмехнулся, продемонстрировав настолько широкую щель между передними зубами, что в нее могла пробраться и мышь.

— Еще как спятивший, — сказал он. — Ты слышал, что он рассказывает? Будто его в детстве похитил Крампус, а брат якобы спас его. Все как в новогодней песке.

— Я ему верю.

— Тогда ты болван, Томми. — Брат прищурился. — Но я знаю, что ты что-то задумал.

— Задумал?

Томас поправил очки. Все это было крайне не вовремя. Фредди всегда только и ждал, чтобы устроить

какую-нибудь пакость — если он пронюхал о том, что Томас скрывал, бед не оберешься...

— У тебя какая-то тайна, — с важным видом сказал брат. — Я видел, как ты ходил на вокзал вчера, а потом якобы помогал выселившейся мадам Поркард донести ее багаж до трамвайной станции и сам сел на трамвай. Куда ты ездил?

— Нужно было помочь мадам донести багаж до дома ее кухни. У нее были очень тяжелые чемоданы...

— Ну ты и врун, Томми. Я тебя хорошо знаю и сразу вижу, когда ты что-то скрываешь. Думаю, отцу будет любопытно узнать...

— Не говори ему ничего! — испуганно прошептал Томас, и Фредди самодовольно осклабился.

— Вот видишь! Рассказывай...

— Не сейчас, Фредди. Я тороплюсь. Я все тебе расскажу. Только потом. Ты же знаешь, что я все тебе рассказываю.

— Куда это ты так торопишься?

— Нужно отнести это новому постояльцу, — сказал Томас, продемонстрировав свой сверток. — Он и так меня заждался...

— Новый постоялец? Гм... Сегодня ведь никто не вселялся. Ты снова скрывать хочешь, но я слежу за тобой, Томми, меня не проведешь.

Под пристальным взглядом брата Томас выскользнул из Газетной гостиной и ринулся по коридору. Кое в чем он не солгал — новый «постоялец»

действительно ждал этот сверток, а он, Томас, и так слишком задержался. Оставалось надеяться, что «постоялец» проявит терпение, хотя, зная этого господина, Томас боялся, что «нерасторопного коридорного» ждет целая буря возмущения и негодования из-за задержки. Он ведь сказал ему, что скоро придет...

«Только бы этот тип не сожрал мои рисунки или карандаши, — испуганно подумал Томас. — Я потратил на них все, что оставалось от чаевых...»

Добравшись до своей комнатки у лестницы, он затаил дыхание и открыл дверь.

— Прошу прощения, — начал коридорный, переступив порог. — Я знаю, что меня долго не было, но...

Томас оборвал себя на полуслове. Комнатка была пуста. Его рисунки — угольные бабочки и кривоватые портреты некоей мисс, сделанные прямо на страничках старых газет, — как и прежде, висели на стене, закрепленные булавками. Карандаши на тумбочке также были на месте, а вот «постоялец» в комнатке отсутствовал. И хуже всего — на полу у кровати валялась сорванная с уже упакованного подарка оберточная бумага; рядом в беспорядке лежали ленты.

Подарок — очень важный подарок! — исчез!

И тут где-то на этаж ниже раздался дикий женский визг.

Томас выскочил из комнаты и с отчаянием схватился за голову.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

